

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

ДВЕ
РЕВОЛЮЦИИ

боги жаждут

Эдвард Станиславович Радзинский

Две революции

Серия «Эдвард Радзинский. Лучшее»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63747102
Две революции /Радзинский Э.С.: АСТ; Москва; 2021
ISBN 78-5-17-127523-5*

Аннотация

В книгу вошли произведения Эдварда Радзинского, посвященные двум великим революциям – Великой Французской и Великой октябрьской.

«Берегитесь, боги жаждут!» – уникальное исследование, которое рассказывает о великой крови великих революций, изменивших мир.

«Последняя ночь последнего царя» – пьеса, основанная на ранее неизвестных документах. Пьеса-расследование. Казнь глазами палачей

Содержание

Берегитесь, боги жаждут!	5
Часть I	5
Часть II	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эдвард Радзинский

Две революции

© Радзинский, Э.С., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 202

Берегитесь, боги жаждут!

Часть I

Через несколько лет после революции, в тысяча восемьсот третьем году, скончался Жан-Франсуа де Лагарп. Был он известным писателем и воинствующим атеистом в молодые годы. Но много претерпел в революцию и умер глубоко верующим человеком. В его бумагах после смерти нашли загадочный текст, весьма взволновавший Европу.

Это – воспоминание. Лагарп пишет о случае, произошедшем незадолго перед революцией. На приеме у одного из вельмож собралось блестящее общество – члены Академии: маркиз Кондорсе – знаменитый ученый, друг Вольтера, философ Шамфор, либеральнейший министр Мальзерб, множество блестящих и, главное, свободомыслящих людей (впрочем, тогда других и не было). Присутствовали и несколько красавиц. Красавицы в ту пору, чтобы быть модными, должны были быть умными... Так что и они принимали горячее участие в разговоре.

Беседовали о том, о чем тогда говорили повсюду – от последней лакейской до герцогских дворцов: о Вольтере, Дидро, Руссо, Монтескье. Все эти великие имена были тогда

так же популярны, как сейчас имена известных футболистов. Издевались над ничтожным королем. Потом перешли к религии. Веселились. Цитировали «Девственницу» «бога неверия» Вольтера (как его тогда почтительно называли), вспоминали строчку Дидро «Кишкой последнего попа последнего царя удавим». Говорили о том, что после революции наступит Царство Разума, когда религия – тысячелетний пережиток – конечно же, исчезнет. Далее беседа зашла о неминуемой Революции. Радовались, что она свершится непременно, но и сокрушались – люди собрались заслуженные и немолодые. Их печалило, что великое Царство Разума, рожденное Революцией, им, увы, не увидеть...

И тут в разговор вступил Казот. Это имя тогда было на слуху. Автор очень популярного мистического романа «Влюбленный дьявол». Но, главное, за Казотом тянулась темная слава предсказателя. Говорили, будто после «Влюбленного дьявола» и начались его пророческие видения. Казот сказал:

– Господа, спешу вас обрадовать: вы все увидите великую Революцию, о которой так мечтаете... Но знаете ли вы, что произойдет после Революции со всеми вами... точнее, почти со всеми? – Здесь он вдруг замолчал.

Маркиз Кондорсе улыбнулся: – Ну, что же вы остановились? Ученому интересно выслушать прорицателя...

Но Казот всё колебался. Наконец, не без усилия, начал:

– Вы, господин Кондорсе, закончите свою жизнь на ка-

менном полу тюрьмы. Вы умрете от яда, который вы, как и многие в долгожданном Царстве Разума, вынуждены будете постоянно носить с собой. Вы примете яд, чтобы избежать встречи с палачом... А вы, господин Шамфор, зарежете самого себя – по той же причине... А вот вы, господин Мальзерб, встретите смерть на эшафоте. И вы... и вы... – он перечислял знаменитые имена сидевших в зале, – все на эшафоте!

Луи-Ролан Тринкесс. Ухаживание.

Частная коллекция. XVIII в.

Наступило молчание.

– Ах, какие напасти! Вот что значит заниматься политикой! Насколько мы, женщины, счастливее вас, мужчин – к политике мы непричастны, ни за что не отвечаем, и потому наш пол... – засмеялась герцогиня де Граммон, пытаясь обратить все сказанное в шутку.

– ...Ваш пол, сударыня, – резко прервал ее Казот, – не сможет послужить вам защитой. И как бы мало ни были вы причастны к политике, вас, герцогиня, постигнет участь мужчин. Вас тоже повезут на эшафот... И вас... и вас... и вас... – Он называл имена присутствующих красавиц.

*Маркиз Кондорсе. Жан-Батист Грез.
XVIII в. Версаль*

Жак Казот. Жан-Батист Перронно.

1760 г.

Одна из дам не выдержала:

– Какие ужасы вы нам рассказываете! Что произойдет?

Нашу прекрасную родину захватят варвары?

– Нет, – ответил Казот. – Люди, которые отправят всех на смерть, будут такие же поклонники философии, как мы с вами. Они будут произносить те же речи о религии, свободе и Царстве Разума, как мы с вами, но при этом убивать, убивать, убивать!

– Надеюсь, меня отправят в скорбное путешествие в моей новой карете! – Герцогиня де Граммон все еще пыталась обратить в шутку слова Казота.

– Карета? Ну что вы, герцогиня! – как-то монотонно ответил Казот. – Никакой кареты не будет! Телега! Телега палача повезёт вас всех на эшафот... В карете на эшафот поедет только он один.

– Да кто же этот счастливец?

– Король Франции, – ответил Казот.

– Но это переходит всякие границы! – воскликнул поспешно хозяин.

Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне мадам Жоффрен.

Анисе Шарль Габриэль Лемонье. 1812 г. Фрагмент

Но герцогиня продолжала:

– Но что ж вы ничего не сказали о своей участи, господин мрачнейший пророк?

Некоторое время Казот молчал. Потом сказал:

– Я могу ответить только словами Иосифа Флавия, описывающего осаду Иерусалима: «Горе Сиону! Горе и мне!»... Я вижу себя на том же эшафоте, сударыня.

После этого он встал, учтиво поклонился и ушел.

Были ли это реальные воспоминания? Мы с вами как люди здравомыслящие предпочтем считать, что это беллетристика. Маленькая новелла в форме воспоминания, всего лишь фантазия писателя.

Впрочем, это не важно, ибо в это время было столько реальных, воистину грозных предзнаменований.

Героиней нашей истории – и одной из главных причин грядущего мирового политического потрясения – станет австрийская принцесса Мария-Антуанетта.

Родилась она *второго ноября* 1755 года. Крестить ее должны были португальские король и королева. Но они не приехали. Потому что за день до этого, *первого ноября*, произошло землетрясение в Португалии, похожее на конец света. Погибло более девяноста тысяч человек. С тех пор ничего подобного в Европе не происходило!..

Мария-Антуанетта вышла замуж за наследника престола Франции, впоследствии короля Людовика Шестнадцатого.

По случаю бракосочетания состоялись празднества и великолепный фейерверк. На площади, которая тогда назы-

ввалась площадью «Людовика, возлюбленного народом» (король как-то насмешливо спросил: «Интересно, за что они меня так полюбили?»), собрались тысячные толпы. И петарды стали падать на модные многоярусные прически женщин. Волосы загорались. Началась паника, толпа побежала. На ее пути оказались незасыпанные рвы – как у нас на Ходынском поле.

Эрцгерцогиня Мария-Антония Австрийская, будущая Мария-Антуанетта. 1769 г. Жозеф Дюкрё. Версаль

И точно так же, как на Ходынском поле, погибло множество людей. И как у нас после Ходынки, это кровавое действие стало считаться в народе грозным предзнаменованием.

Но самым печальным предзнаменованием был сам Людовик Шестнадцатый.

*Людовик XVI. Антуан-Франсуа Колле.
1786 г. Музей Карнавале*

Представьте его предшественников: Людовик Четырнадцатый – красавец, великий король, Король-Солнце, Людо-

вик Пятнадцатый – «самый красивый монарх в Европе», как писал Казанова...

И после них – неловкий, некрасивый, с брюшком Людовик Шестнадцатый. В нем ничего королевского. Ничего аристократического – типичный толстый буржуа!

Но, главное, ведет себя этот буржуа поистине вызывающе – он верен жене! И это французский король!

Была нерушимая вековая традиция французских королей. Традиции надо чтить и беречь!

Людовик Четырнадцатый. Добрый французский народ мало интересовался его супругой королевой, но про главных фавориток знали все и всё! Я не пытаюсь перечислять этих красавиц, ибо для этого не хватит и толстого тома.

Но добрый французский народ знал их имена и радовался утехам своего могучего короля!

Когда пепельную блондинку Луизу де Лавальер сменила пылкая брюнетка мадам де Монтеспан, король прибыл в свою победоносную армию в одной карете с обеими красавицами! Армия восторженными криками приветствовала такую наглядную передачу любовной эстафеты.

Некоторые историки справедливо делят царствование французских королей по именам их славных фавориток. Ведь порой эти дамы управляли не только сердцами королей – они правили целой эпохой.

К примеру – Людовик Пятнадцатый. После череды прекрасных дам в его сердце воцарилась мадам де Помпадур – воистину фаворитка-эпоха. Мадам де Помпадур дала свое имя целому стилю – мебели, гобеленам, туалетам и прочему. А как она распорядилась министрами! А как заботилась о любимом! Когда постаревший король начал сдавать на любовном ристалище, тотчас пришла на помощь. Для пробуждения угасшей чувственности дорогого монарха заботливо устроила для него гарем из юных девственниц.

Когда Людовик, потерпев сокрушительное поражение на войне, наконец-то задумался о будущем Франции, она сказала фразу воистину любящей женщины:

«Ах, сир, после нас – хоть потоп!»

Как разнообразны были любовные вкусы прежних Людовиков. После утонченной аристократки мадам де Помпадур фавориткой стала шлюха! Король стыдливо сделал ее графиней Дюбарри. И она заслужила свой титул. После ночи с Дюбарри монарх, обладавший величайшим опытом в галантном деле, вынужден был признать: «Я знал об этом далеко-далеко-далеко не все!»

Маркиза де Помпадур. Морис Кантен Делатур. XVIII в.

Какие драгоценности покупал ей благодарный государь! Как умело шлюха-графиня разоряла французскую казну! Но народ понимал и принимал эту ситуацию – на то она и фаворитка!

И страна радостно запела:

«Ах, плутовка, ах плутовка,
старого развратника
распалила ловко».

И вот теперь на престоле был король, посмевающий не иметь фаворитки!

Более того!

Людовик вступил на престол в двадцать лет, его жене было девятнадцать. С точки зрения добродетельных буржуа, чем должна заниматься молодая жена? Прежде всего слушаться мужа и беречь деньги.

Но что наблюдает изумленная страна? Во дворце – сумасшедший дом, жена – мотовка! Девятнадцатилетняя королева смеет разорять своими тратами французскую казну! То есть смеет играть роль фаворитки! А муж слушается жену и потворствует всем ее безумным прихотям.

Каждое утро королеву навещает знаменитая модистка ма-

дам Бертен, и уже одно это – грубое нарушение этикета. Низкое происхождение модистки не позволяет ей присутствовать при туалете королевы. Но она приходит со множеством кусочков разноцветной материи. После долгой дискуссии, выбрав цвет, они начинают разрабатывать туалет – будто подготавливают сражение. Ни одного дня без нового туалета! И каждый обходится казне... Да что туалеты! Все знаменитые драгоценности скупаются молодой мотовкой. Да что драгоценности!.. Прически!

И сейчас есть фраза: «Женщина может простить все, кроме испорченной прически». Тогда эти слова были реальностью – прическа стоила порой больше поместья. Посмейте испортить!

Это были гигантские, часто тематические сооружения. Например, герцогиня Орлеанская родила. Она решает оповестить всех о своей радости. И знаменитый парикмахер воздвигает на ее голове прическу, которую украшают фигурки – кормилица с младенцем, любимый слуга-эфиоп и сама роженица!

*Людовик XV и мадам Дюбарри. Дьюла Бенцур. 1874 г.
Венгерская национальная галерея*

Или две дамы повздорили – не поделили кавалера, и одна из них решает объявить войну сопернице, она приходит на бал в причёске «Берегись, мерзавка!» – на ее голове два дуэлянта скрестили шпаги.

Разорительница Антуанетта носила прически высотой с нее саму. Отправляясь на бал, она сидела в карете на полу. Во дворце, когда устраивали бал, поднимали притолоку.

Но юная королева – новатор моды. Гигантские нагромождения на голове вскоре ей наскучили. И она ввела дерзкую моду молодых – лаконичную прическу с разноцветными перьями. «Новое поколение выберет перья!»... Сколько стоили эти перья!

Но главная опасность таилась в другом. Предыдущий король правил целых шестьдесят лет. Двор очень постарел.

А у девятнадцатилетней королевы отвращение к старости. Старость безобразна и медленна. Королева обожает красоту, движение и танцы. Старость рано засыпает, скаредна, любит философствовать и читать толстые фолианты. Но она не прочла ни одной книги и ненавидит скучные разговоры...

И Антуанетта начинает окружать себя молодым двором, что не очень приветствуют знатные старые фрейлины. Самой приближенной стала герцогиня де Ламбаль – молодая красавица-вдова из родовитой семьи. Двору Антуанетты приходится ее принять.

Но дальше происходит совсем печальное...

Королева буквально влюбляется в некую Жюли де Полиньяк, миниатюрную красотку с лазоревыми глазами. Ламбаль отставлена, королева и Жюли теперь неразлучны. Беда

в том, что кроме томных лазоревых глаз у Жюли нет ничего – бедна, как церковная крыса! Антуанетта счастлива облагодетельствовать фаворитку, буквально осыпает Полиньяк деньгами. Если бы её одну! «Полиньячка», как злобно зовет ее двор, окружена большой и нищей семьей. Антуанетта требует, и король безропотно дает всей своре деньги, должности, новые титулы.

Документы сохранили фантастические цифры – восемьсот тысяч ливров на приданое двенадцатилетней дочери, пятьсот тысяч – на покрытие долгов семейства, а партаменты в Версале со множеством комнат... Графиня Жюли теперь герцогиня. Дождь благодеяний!

Двор не понимает рабского подчинения короля этим безумным прихотям королевы.

Дальше еще хуже.

У королевы главный девиз – «развлекайтесь!». Ночью, когда Его Величество в королевской спальне в Версале мирно отходит ко сну, Антуанетта, окруженная сворой молодежи (друзья все той же Полиньячки) отправляется в Париж. Она танцует на балах в Парижской Опере – под маской. Но все отлично знают, кто эта грациозная маска, окруженная молодежью и охраной. Начинается ропот при дворе, слухи выходят на улицу. Появляются первые грязные памфлеты, весьма фривольно изображающие ее отношения с Полиньячкой...

В это время Антуанетта затеяла революцию в Версале.

В Версале, кроме короля, был еще один правитель, и воистину могущественный – Этикет. Это правила поведения в королевском дворце, которые нарушать нельзя. При дворе так жили столетиями. Вся жизнь полубога-короля должна проходить на глазах придворных. Самодержец, которому принадлежит Франция, не принадлежит самому себе! Его пробуждение, завтрак, обед, отход ко сну – все на виду у всех и все по расписанным правилам Этикета. Только в русской пословице король ходит в туалет один. Людовик Четырнадцатый Король-Солнце справлял большую нужду в присутствии вельмож и обсуждал в это время политические вопросы. Приглашение в туалет на это действие было подтверждением значения придворного.

Жюли де Полиньяк. Элизабет Виже-Лебрен. 1782 г. Версаль

Антуанетта также должна была стать предметом поклонения по правилам Этикета – принадлежать двору, не принадлежа себе. Она познакомилась с могущественным Этикетом в первые свои дни во Франции. В тот день в Версале выпал снег, и Антуанетта, дрожа от холода, попросила принести теплую сорочку. Сорочку принесли, но... Младшая камеристка, принеся сорочку, передала ее старшей камеристке. Старшая приготовилась надеть ее на застывшую от холода королеву, однако в этот момент вошла герцогиня Орлеанская... и теперь несчастной Антуанетте сорочки не видать! Сорочку следовало передать герцогине Орлеанской (младшая ветвь Бурбонов), и уже она протягивает ее королеве... Но опять не тут-то было! В спальню в этот миг вошла сестра короля Елизавета. И мимо рук королевы сорочка тотчас отправилась к ней. Стуча зубами, Антуанетта разрыдалась. Она подумала, что над нею издеваются. Но это оказался – Этикет французского двора!

В се это Антуанетта насмешливо описала матери. И мать ее, великая австрийская императрица Мария-Терезия ответила:

«Я тоже чувствую скуку и пустоту представительства, но это – обязанность. Поверь, пренебрежение ею может повлечь за собой серьезные неприятности, куда более существенные, чем эти маленькие неудобства, особенно у французов, такой

темпераментной нации».

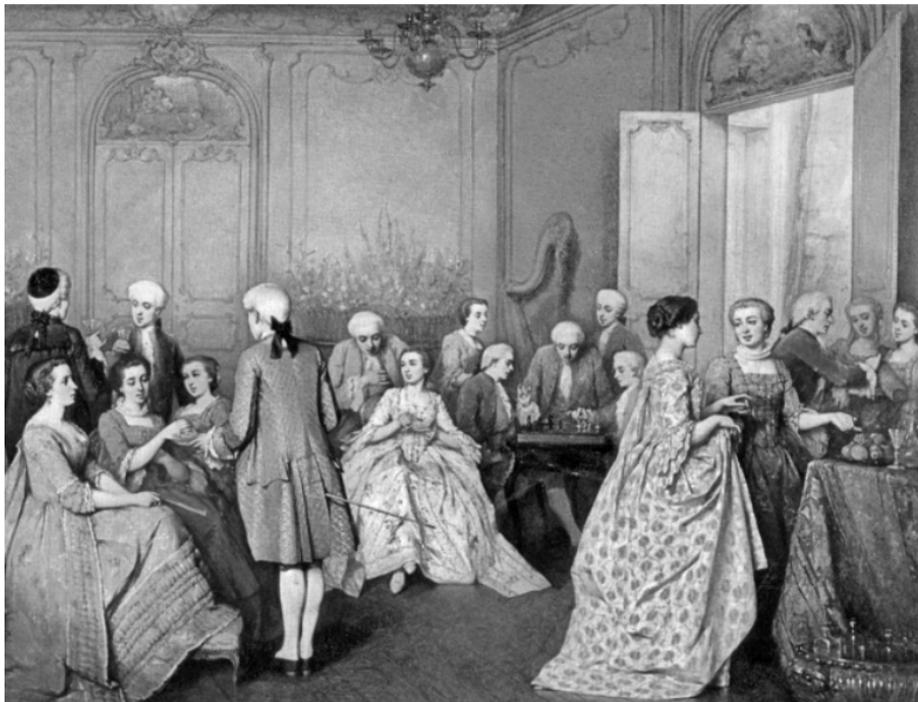
И Антуанетта придумала, как избавиться разом – и от старого двора, и от помпезного Версаля с ненавистным Этикетом.

Антуанетта просит у короля подарок – **Трианон**.

Маленький элегантный дворец, который Людовик Пятнадцатый построил для своих встреч с возлюбленными. Он так и назывался – Замок Удовольствий.

Король безропотно дарит ей Трианон, который окончательно разорит французскую казну.

Маленькая грациозная Антуанетта решила создать здесь свой мир. Во дворце всего семь комнат, но этого достаточно... чтобы истратить миллионы. Она перестраивает комнаты, продумывает все – от мраморных каминов, венецианских зеркал, потайной комнаты до бронзовых дверных ручек со своим вензелем.

Придворная сцена. Неизвестный художник. XIX в.

Она заказывает великолепную миниатюрную мебель и занавеси. В Трианоне не будет версальской парчи, тяжелого бархата, пурпура. Здесь одни легкие ткани и восхитительные блеклые и нежные цвета – цвета теряющей силу монархии.

Знаменитые ландшафтные архитекторы создают самое дорогое для ее сердца и для французской казны – восхитительнейший парк. Если в Версале – стриженные газоны, стриженные кусты, деревья, похожие на гвардейцев, и множество

мраморных статуй, то в ее парке царствует природа. Так учит модный Руссо, которого она не читала.

Здесь нет скучных прямых аллей, здесь все естественное. Точнее, копии естественного. Между деревьями течет, извинаясь, трогательный сельский ручеек. Но воду в него вели по трубам из расположенного за много километров замка Марли.

Рукотворное озеро с островком посередине, будто бы созданное самой природой. И грот, и античные руины, и небольшой божественный храм Аполлона, где Амур из мраморной палицы Геркулеса строгал любовные стрелы; деревья и цветы, растущие в Африке, Индии и по всей Европе. Весь этот пир природы и красоты вместил ее парк площадью всего в два с небольшим квадратных километра.

Вот эти два квадратных километра и разгромили окончательно богатейшую казну Европы.

Неоценимый вклад в этот разгром внесла знаменитая Деревушка. В Деревушке воистину царствует сельская идиллия, божественная простота, как ее представляла королева. Крестьяне и крестьянки, одетые в прелестные народные одежды со старинных гравюр, пасли маленьких коровок, украшенных цветными бантиками. Белоснежные лебеди плавали по небольшому озеру, задумчиво вертелось колесо старинной голландской мельницы... И прелестные маленькие хижины с художественно облупленными стенами –

здесь живут эти нарядные крестьяне.

Но главное – все вокруг соразмерно хозяйке. Миниатюрная Антуанетта, миниатюрный дворец, миниатюрный парк, миниатюрная деревушка, миниатюрные коровы... Все так гармонично!

Она «спаслась здесь» (ее слова) от грандиозности Версаля и тупой неумолимости Этикета.

Но она оставить в Версале не только Этикет. Она бросила там свой двор – многочисленных старых дам из знаменитейших фамилий Франции. Они сидели без дела во дворце и ненавидели ее!

Императрица Мария-Терезия. Мартин ван Майтенс. 1750 г.

Антуанетта превратила Трианон в маленькое суверенное

государство, где правила Развлечение, Галантность и она сама – Королева Рококо. Здесь вместе с нею веселятся «наши» – так она называет свое окружение (и так же будет звать свое окружение последняя российская царица). Никто без приглашения Антуанетты не может появиться в ее царстве.

Только некий господин!

Над миниатюрным озером поставили вышку. В ней – дозорный. Его задача вовремя сообщить о приходе этого очень скучного господина, которого приходится терпеть «нашим». Господин появляется один, молча сидит с нею и ее веселыми молодыми друзьями – он не знает, о чем с ними говорить и что ему делать. Он ничего не умеет – ни танцевать, ни рассказывать пикантные истории, ни играть в карты. Помолчав некоторое время, господин уходит.

Этот докучливый гость – король Франции, которого Антуанетта в письмах к матери называла «наш бедняга».

Мать написала ей испуганно:

«Горе стране, где короля смеют называть беднягой».

Да, король – очень добрый человек. Но не забудем слов Наполеона:

«Когда мне говорят, что в стране правит добрый король, я говорю: какое неудачное у них правление».

Что же касается королевы... Молодая красавица, ненави-

дьящая старость, законодательница моды, великолепная мотовка, демократка, презирующая королевские традиции, посещающая скандальные ночные балы, не прочитавшая ни одной книги... Сейчас она была бы обожаема народом, стала бы новой принцессой Дианой!

Но в век просвещения ее презирал авангард Нации. Трианон завершил дело – поссорил ее и с аристократией, и с буржуа, и с простым народом.

Ибо там, за высокой стеной ее чудо-дворца – нищие деревни, разоренные беспощадными налогами, и буржуа, ненавидящие мотовку-королеву.

Когда король впервые посмел сообщить ей о жалобах на налоги, она ответила весело:

– Объясните этим господам: монархия – очень красивая, но очень дорогая вещь. Пусть платят!

И они платили. Пока.

В стране начинает создаваться мощная оппозиция. Как уже не раз бывало во Франции, вождем ее становится аристократия.

Мария-Антуанетта с детьми и графиней Полиньяк в Трианоне. Неизвестный художник. XIX в.

Вождь аристократической оппозиции – принц крови, блестящий представитель младшей ветви Бурбонов, герцог Филипп Орлеанский.

Но мы с вами в галантном веке. И для того, чтобы герцог Орлеанский стал главой оппозиции, нужна была дама.

В отличие от Людовика Шестнадцатого, герцог был истинным Бурбоном, то есть жил по закону предков – дам менял беспрестанно. Пока не появилась *она*...

Графиня де Жанлис была воспитательницей его детей. Но

вместе с детьми она начала успешно воспитывать самого герцога Орлеанского.

Когда он стал ее любовником, она ввела его в мир Руссо, Вольтера, просветителей.

Теперь герцог Орлеанский преисполнен самых передовых идей века. Он стал до того продвинутым господином, что, как тогдашние крутые молодые люди, сделал татуировку. Впервые в истории Бурбонов! На татуировке ее инициалы – Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис – и изображение сердца.

Герцог Орлеанский. Джошуа Рейнольдс. 1779 г. Музей Конде

Когда графиня увидела это чудо искусства на теле любимого, как писал современник, «она растроганно прослезилась!». И моментально сделала подобную татуировку – инициалы герцога возле пронзенного сердца. Правда, вырезала она ее... на дереве в дворцовом парке.

Графиня де Жанлис. Сегодня это имя мало о чем говорит. Но поверьте, во времена Пушкина оно было известно всякому просвещенному человеку. Ибо, в отличие от любовника-герцога, мадам де Жанлис проживет долго и станет одной из самых популярных писательниц Европы.

Но это потом... А сейчас она продолжает успешно воспитывать герцога.

Она знакомит его с французскими масонами. С ней и с ними герцог впервые задумался о троне. Действительно, почему его занимает этот жалкий толстяк, подкаблучник, если рядом другой Бурбон, достойнейший?!

Герцог начинает действовать...

Отец подарил ему Пале-Рояль – дворец, построенный великим кардиналом Ришелье. Вокруг дворца – огромный парк. Герцог (и, конечно графиня де Жанлис) поняли, что нужно делать.

Герцог создает «клуб под открытым небом». Он строит ту самую колоннаду, которую мы видим и сейчас. И в этой колоннаде, несмотря на возмущение родителей, несмотря на гнев стариков-аристократов, наш передовой герцог продает места лавочникам и трактирщикам. Здесь открываются дорогие лавки, знаменитые рестораны и кофейни.

Они тотчас превращаются в центры общественной жизни и оппозиции. Пале-Рояль становится самым модным местом Парижа.

Теперь в аллеях Пале-Роляля под столетними деревьями разгуливают аристократки и дамы легкого поведения. Последних мы вскоре увидим в деле. Нет-нет, не в кровати – на другом поприще, революционном!

Из этого воистину культового местечка начинает распространяться множество памфлетов о Марии-Антуанетте. Здесь есть кому сочинять: это будущая писательница – графиня, и новый секретарь герцога – месье Шодерло де Лакло, автор знаменитых «Опасных связей», великий мастер галантных историй! Короче, золотые перья Франции!

Памфлетами зачитывается страна! Антуанетте приписывают главных Дон Жуанов Франции – герцога Лозена и брата короля, графа д'Артуа... И конечно описывается лесбийский роман с Жюли Полиньяк.

Толпа жадно глотает эти истории.

Конечно, Антуанетта, бездумно исполняющая все прихоти Полиньяк, щедро давала поводы для памфлетов. Но и в России перед семнадцатым годом нашей императрице, целиком посвятившей себя семье... также припишут любовницу – Вырубову! И генеральша Богданович, державшая самый модный аристократический салон, в своем дневнике писала, что Зилотти (знаменитый музыкант) рассказывал: Николай очень нервничает, потому что не понимает подозрительных отношений царицы с Вырубовой. И будто бы после крушения царской яхты (это произошло на отдыхе в шхерах) царица легла в одну постель с Вырубовой...

Революции, как мы не раз еще убедимся, учатся друг у друга.

Мать Антуанетты, великая императрица Мария-Терезия, не могла больше терпеть – во дворце в Вене получают подробные отчеты из Парижа. Мария-Терезия, опытный политик, чувствует – обстановка в Париже накаляется. Она понимает, чем все это может кончиться.

*Графиня де Жанлис. Аделаида Лабиль-Жирар. 1790 г.
Музей искусств Лос-Анжелеса*

И решает послать к Антуанетте сына.

Старший брат Марии-Антуанетты Иосиф – сопровитель матери, один из трех самых блестящих европейских владык. Читайте замечательную переписку Иосифа с Екатериной и Фридрихом! Как наша Екатерина и прусский король Фридрих Великий, он был верным поклонником идей Просвещения. Но как и они, больше на бумаге.

Иосиф приезжает в Париж. Ему приготовлены роскошные покои, но он останавливается в скромном доме, демонстрируя сестре, как бережлив должен быть монарх.

От этого визита остались его письма к матери о беседах с Антуанеттой.

Он внушал ей: «Ты уже не ребенок. Неужели ты не понимаешь, что происходит? Твой муж в Версале ложится спать. Ты под маской мчишься в Оперу, окруженная сволочью. И ты думаешь, что хоть кто-нибудь не знает, кто скрывается под этой маской? Если бы ты слышала, что болтают о тебе! Я произносить при тебе не могу то, что говорят о тебе вслух!» И еще: «Как ты, не прочитавшая ни одной книги, смеешь спорить с мужем и вмешиваться в дела управления государством?!»

Он терпеливо объяснет ей, как надо обращаться с мужем, не блестящим умом и талантами. «Не возвышай себя при нем». «Подавляй всякое желание блеснуть». «Молчи о его

слабостях, заставляй молчать о них и других». «Не надо острить при нем, и не дай бог острить по его поводу». И так далее...

Но главное – прогнать от себя «сволочь»!

Мария-Антуанетта с удовольствием слушает поучения любимого брата. Но Иосиф уже понял ее характер: как только он уедет, все будет по-старому. Безумная в жажде развлечений, она, конечно же, сохранит «сволочь» – блестящих молодых проходимцев, «наших».

Поэтому их беседы закончились страшным письмом Иосифа:

«Ты разрываешь мне сердце. Я трепещу за тебя... Пойми, наконец, так далее продолжаться не может. Ты должна, обязана все переменить».

И далее строчка, которую ей придется понять всего через десять лет – «Революция будет жесткой».

Но главный разговор был у Иосифа с королем. Для этого разговора он прежде всего и приехал...

Людовик XVI раздает милостыню крестьянам. Неизвестный художник XIX в.

Прошло семь лет с тех пор, как его сестра вышла замуж. Но стрелу Амура король в цель так и не послал. Семь лет Антуанетта оставалась девственницей. Как секретно доносил в Вену австрийский посол, у короля была проблема с крайней плотью и движения любви причиняли ему нестерпимую

боль. Но «заторможенный», как его называли недруги, стеснялся что-нибудь предпринять и избегал говорить с ней об этом.

Вот почему несчастный Людовик, чувствуя вину перед супругой, прощал ей все – невозможные траты, безумное поведение. Это была его плата за ее постыдное положение.

Семь лет муки в королевской постели! Вот откуда ее постоянная нервность, экзальтированность, бешенство в развлечениях, жажда куда-то ехать, что-то делать, как-то забыться...

Молоденькие дамы – подруги, входившие в круг «наших», за эти семь лет вышли замуж, родили, обзавелись любовниками, поменяли их не один раз – они пылали, любили, страдали. И она выслушивала их тайны, их страсти... А сама оставалась по-прежнему в постылой постели, со своей тайной.

При этом Антуанетту окружали самые блестящие мужчины, все время пытавшиеся ее соблазнить. Не было большей мечты... чем сделать рогатым ничтожного короля. И его младший брат красавец граф д'Артуа, и первый Дон Жуан королевства, воспетый Цветаевой, герцог Лозен – участники этого постоянного любовного преследования.

Сам Лозен описал: Антуанетта сходит с кареты, тогда он ловко бросается на землю у подножки и... становится ступенькой, на которую Антуанетта вынуждена наступить. А

он... Он успевает поцеловать в этот миг восхитительную крохотную ножку.

Мария-Антуанетта, Людовик XVI и Иосиф II. Йозеф Хотцингер. 1776 г. Музей истории искусств

Лозен описал и жутковатую сцену.

Разговаривая с нею, он приблизился к ней вплотную, он видит, как она взволнована, как горит ее лицо, и вдруг она сама... порывисто обнимает его и, рыдая, убегает!

Перед разговором с королем Иосиф поговорил начистоту с Антуанеттой – о «стреле Амура». Он с изумлением и радостью понял: все, что писалось о сестре, все постыдные слухи – ложь. Несмотря на круг «сволочи», она добродетельна и – самое поразительное – по-прежнему невинна!

После чего Иосиф по-мужски поговорил с королем.

Король решился! Маленькая операция прошла успешно... Людовик исполнил свой долг – долгожданная стрела попала в цель. Антуанетта родила двух сыновей, один из которых умрет. И двух дочерей, одна из которых также умрет (дети тогда умирали часто, и в королевских семьях тоже). Но младший сын и сестра выжили. Королева обожала дофина, нежно любила дочь – она оказалась прекрасной матерью.

Антуанетта перестала ездить по ночам в Париж, но придумала новое развлечение.

В Трианоне был построен изящный миниатюрный театр.

И здесь Королева впервые вышла на сцену.

Дофин. Элизабет Виже-Лебрен. XVIII в. Лувр

С профессией актрисы она справилась куда удачней, чем с профессией королевы. Она справедливо отказывалась играть величественных королев, будучи прирожденной гранд-кокет (актрисой на роли молоденьких кокеток, сводящих с

ума мужчин). Ей захотелось сыграть Розину в «Севильском цирюльнике». Помните ее описание? «Прехорошенькое, обворожительное существо, крохотная ножка, тонкий стан и алый ротик». Ну кто кроме нее был рожден для этой роли? А если «обворожительное существо» наденет восхитительное простенькое платьице, которое сотворит великая модистка мадам Бертен?..

В это время другая пьеса Бомарше – «Женитьба Фигаро» – была запрещена.

Людовик сказал: «Этот человек смеется над всем, что нам следует уважать и почитать».

Бомарше. Жан-Огюст Грëз. Копия XIX в. Версаль

Но негоже королеве играть пьесы запрещенного автора...

В Трианоне напротив дворца стоит прелестный летний павильон. В этом павильоне она встречалась с автором – обещала ему и исполнила свое обещание. Антуанетта, Жюли Полиньяк и кружок «наших» дружно нажали на Людовика, и король в очередной раз сдался. Он разрешил «Женитьбу Фигаро».

Кареты выстроились вдоль Сены. У недавно построенного великолепного театра Одеон – толпа и невиданная давка. Буквально ломали двери в театр, все рвались увидеть запрещенное.

Триумфальное представление состоялось. Зал, набитый аристократией, неистово аплодировал репликам насмешника Фигаро.

А каковы были реплики!

«Вы дали себе труд родиться, только и всего».

«Все вокруг меня хапали, а честности требовали от меня одного...»

«Иметь, и брать, и требовать еще – вот формула из трех заветных правил!»

«Требовался счетовод, и посему на это место взяли танцора»...

Каждая реплика – гром оваций!

Король был в бешенстве. Этот несчастный не смог понять, что слышал голос страны. Страны, стоявшей у края бездны. Это было последнее предупреждение. Как справедливо сказал Наполеон: «Фигаро – это уже Революция в действии!» Но король услышал только крамолу!

Антуанетта начала репетировать Розину – свою лучшую роль в театре Трианона.

Бомарше в пьесе придумал забавную интригу. Но, репетируя на сцене, Антуанетта не знала, какую интригу ее заставят сыграть в жизни.

Во время репетиций разыгралась другая пьеса, героиней которой стала сама Антуанетта.

Это была знаменитая история с «ожерельем королевы»...

Ожерелье королевы. Реконструкция

Самое дорогое ожерелье в мире французские ювелиры создали для любовницы Людовика Пятнадцатого графини Дюбарри. Но продать они не успели – король умер. И ожерелье уже никто не смог купить. Даже она – первая мотовка Франции – не посмела просить Людовика об этом. Ожерелье осталось у ювелиров.

И тогда авантюристка Де ла Мотт, любовница кардинала Луи де Рогана, придумала, как похитить ожерелье. Кардинал не отличался большим умом, но был красив. В это галантное время иерархи церкви соревновались в распутстве с вельможами. Кардинал Роган был в числе первых. Среди бесконечных влюбленностей кардинала была и в Антуаннетта. Он был тайно и безнадежно влюблен в королеву.

Сначала Де ла Мотт уверила болвана, будто она ближайшая подруга королевы. К восторгу кардинала, она сообщает ему, что Антуаннетта знает о его любви и отвечает взаимностью, поэтому королева решила поручить ему секретнейшее дело – купить для нее желанное ожерелье. Но, конечно, тайно, ибо казна разорена и такая трата вызовет очень неприятные разговоры. Деньги королева вернет ему вскоре.

Кардинал Де Роган и и графиня Де ла Мотт. Грвюра

Свидание кардинала и «королевы». Гравюра XVIII в.

Счастливым кардинал понял, что сможет повторить великолепную судьбу кардинала Мазарини. Он станет любовником королевы и самым могущественным человеком во Франции!

Чтобы окончательно убедить кардинала, Де ла Мотт сообщила, что королева назначила ему свидание ночью в Версальском парке...

Королева пришла в уединенную рощу. Правда, подарить благосклонность кардиналу не успела, ее тотчас спугнул незванный гвардеец. Излишне говорить, что роль королевы исполнила шлюха из Пале-Рояля, очень похожая на Антуанетту...

Вот так Де ла Мотт повторила сцену из пьесы «Севильский цирюльник», которую в это же время... репетировала королева!

Кардинал выкупил ожерелье, пообещав ювелирам уже вскоре расплатиться.

Получив ожерелье для королевы, Де ла Мотт передала его мужу, и супруг был таков.

Когда все раскрылось, Антуанетта то задыхалась от истерического смеха, представляя свое свидание с кардиналом, то впадала в бешенство, вспоминая, на что рассчитывал

самоуверенный болван. По требованию королевы кардинал был арестован.

Но когда вся интрига вскрылась, заработала испорченная репутация королевы... Общество вслед за кардиналом поверило, что все правда – шлюха-австриячка была готова заплатить телом за дорогую побрякушку. И несчастную Де ла Мотт подставили.

Народ в очередной раз проклинал скандальную королеву, разорявшую страну, и жалкого рогоносца-короля, который ей потакал.

«Мадам Дефицит» – так теперь называли Антуанетту...

В это время в Париже (как и в Петербурге в начале XX века) все говорили о революции. И так же, как в Петербурге накануне 1917 года, в Париже были беспощадны к своему монарху. «Безумный шофер, везущий в пропасть» – так говорили о Николае. О Людовике в Париже выражались покруче...

Дефицит топил страну. Король вынужден был часто тасовать министров. Как и наш Николай накануне революции.

В России были два великих министра – Столыпин и Витте, они спасали государство, пока были у власти. Но их плохо слушали. Витте отправили в отставку, Столыпина должны были отправить, но не успели – его убили.

В Париже тоже было двое – Тюрго и Неккер. Оба также могли спасти страну, но... их плохо слушали.

Король позвал сначала Тюрго. Тот разработал план спасительных реформ, основанных на бережливости. Счастливый король удовлетворенно сказал: «У нас только двое любят народ – я и вы». Бережливые реформы Тюрго – это добавочное налогообложение на дворян и на церковь. Мадам Дефицит должна была отказаться от привычного безумия трат. Конечно, и она, и «наши», и двор начали роптать.

И уже Людовик зовет Тюрго: «Я все думаю, но понять не могу, в чем провинились мои добрые дворяне и наша церковь, что я должен наградить их такими бедами?» Король отменил реформы.

Тюрго, уходя в отставку, сказал то, что надо запомнить всем властителям. «Ваше величество, самое страшное – это непоследовательность. Она губительна и для народов, и для королей».

Но терпение народа истощилось, в городах толпы уже выходили на улицы.

Король вынужден призвать другого блестящего финансиста – Неккера. Он уже спасал короля займами, потом пытался так же спасти бережливостью. За все это Неккера прогнали. Теперь снова вернули, но...

Но займы брать уже было неоткуда, и бережливость опоздала. Самая могущественная держава Европы была окончательно разорена. Неккер предложил единственный выход –

обратиться к народу. Собрать Генеральные Штаты, которые столько лет не собирались.

Объявили выборы... Что началось! Какой был общественный взрыв! Народ поверил, что его наконец-то призвали участвовать в управлении. Началась беспощадная борьба кандидатов, все помешались на политике. Франция жила выборами...

И состоялось – Генеральные Штаты избраны!

Избранники Нации прошли парадом перед королем в Версале. Эта встреча короля с депутатами Генеральных Штатов была очень похожа на встречу нашего императора с Первой государственной Думой.

Депутаты-аристократы были великолепны – щеголяли в заломленных шляпах с роскошными перьями, в бархатных плащах. С этой средневековой роскошью удачно сочетались лиловые сутаны епископов, красные мантии кардиналов. За ними двигалась черная масса – третье сословие.

Герцог Орлеанский. Гравюра XVIII в.

Вместе с третьим сословием (тоже в черном) шел герцог Орлеанский. Знал бы он, как опасно заигрывать с Революци-

ей, какая это особая дама! Но в тот день герцог был счастлив.

Дальше события понеслись. Третье сословие объявляет себя Национальным собранием.

Депутаты Национального собрания приходят на заседание, но двери закрыты. Нет, это не политическая акция – нерешительный жалкий король не посмел бы. В эти дни умер его старший сын, и согласно правилам другого правителя Франции – Этикета —, в Версале не должно было быть соборщ. Оттого и закрыли двери зала.

Но депутаты не собирались выяснять причины. Они – Воля Народа, которой посмели препятствовать! Постановили: собраться в другом зале. И тотчас!..

Но История любит улыбаться. Зал, куда они направились был залом для игры в мяч! Он принадлежал младшему брату короля – графу д'Артуа. Тому самому, о котором государь сказал: «Он больший монархист, чем сам король».

И вот в этом зале супермонархиста произойдет великое событие, которое и станет подлинным началом Революции...

Депутаты вошли в зал. И в зале для игры в мяч поклялись – не расходиться до тех пор, пока не будет принята Конституция. То есть до тех пор, пока самодержавная монархия не перестанет существо

Дальше события понеслись. Третье сословие объявляет

себя Национальным собранием.

Депутаты Национального собрания приходят на заседание, но двери заперты. Нет, это не политическая акция – нерешительный жалкий король не посмел бы. В эти дни умер его старший сын, и согласно правилам другого правителя Франции – Этикета —, в Версале не должно было быть соборищ. Оттого и закрыли двери зала.

Но депутаты не собирались выяснять причины. Они – Воля Народа, которой посмели препятствовать! Постановили: собраться в другом зале. И тотчас!..

Но История любит улыбаться. Зал, куда они направились был залом для игры в мяч! Он принадлежал младшему брату короля – графу д'Артуа. Тому самому, о котором государь сказал: «Он больший монархист, чем сам король».

И вот в этом зале супермонархиста произойдет великое событие, которое и станет подлинным началом Революции...

Депутаты вошли в зал. И в зале для игры в мяч поклялись – не расходиться до тех пор, пока не будет принята Конституция. То есть до тех пор, пока самодержавная монархия не перестанет существовать и страна начнет управляться законом, как об этом мечтали просветители.

Появился посланец короля. Он попытался объяснить Собранию законы Этикета: «Никаких соборищ, ибо в королевской семье горе!» Посланец посмел погрозить!

И тогда послышался громовой голос, который будет с тех

пор слышать не только Франция, но весь мир. Это был голос депутата третьего сословия графа Мирабо.

«Мы собрались здесь по воле народа, и разойтись нас заставит только сила штыков».

Его жизнь – роман. Потомок старинного рода, ненавидимый отцом. Дрался на дуэли, сидел в замке Иф, прославленном Дюма-отцом. В тюремном замке умудрился соблазнить жену начальника стражи. Затем его новой жертвой стала жена аристократа. С нею бежал в Швейцарию. Схвачен, посажен в Венсенский замок, приговорен к смерти, помилован... Лишь в двадцать девять лет Мирабо обрел свободу. Написал множество блестящих публицистических работ, участвуя в выборах в Генеральные Штаты. Дворяне отказали в избрании ему, потому что знаменитого рода. Тогда он обратился к народу. Граф Мирабо был избран от третьего сословия.

*Оноре-Габриэль Рикети, маркиз Мирабо. Жозеф Бозе.
1789 г. Версаль*

Конечно, это перечисление фактов в стиле Твиттера.

Но я надеюсь когда-нибудь рассказать вам о великой жизни графа Мирабо.

Мирабо сказал: «Мы собрались здесь по воле народа, и разойтись нас заставит только сила штыков».

Бедный король придумал то, что придумывают дети. Больно падая, они наказывают пол. Король решил наказать Неккера – отправил его в отставку. Неккера – единственного, кто еще мог его спасти.

Отставка Неккера подожгла фитиль...

В Пале-Рояле молодой адвокат Камиль Демулен обращается к толпе:

«У угнетенных остался только один призыв – к оружию!»

Толпы штурмуют арсенал. Забирают оружие. 14 июля тысячи парижан пошли на Бастилию – символ деспотии.

Бастилия уже давно не главная политическая тюрьма. В ней – всего семь узников. Недавно там был восьмой, очень интересный. Но буквально накануне восстания он начал бунтовать. Пытался кричать из окна камеры – призывал народ напасть на Бастилию. Его оттащили от окна и увезли в сумасшедший дом. Имя его – маркиз де Сад.

Оставшихся семерых (двое – сумасшедшие) стерегли восемьдесят ветеранов-инвалидов и три десятка швейцарцев.

На крепость шла многотысячная толпа. Защитники от-

стреливались, пытались палить из пушек. Но сделать уже ничего не могли...

Комендантом тюремного замка был маркиз Делоне. Ключи от Бастилии он имел право отдать только посланцу короля.

Он понимает: ни посланца, ни помощи не будет.

Комендант решает исполнить долг – взорвать тюрьму.

Он уже стоял у порохового погреба с зажженным фитилем, но двое офицеров-ветеранов сумели отнять горящий фитиль.

Защитники Бастилии постановили сдаться народу. На переговорах с главарями восставших договорились: замок сдают за безопасность и прощение защитников. Над Бастилией поднят белый флаг.

Из своего огромного дома в двести окон, находившегося напротив Бастилии, за штурмом наблюдал великий Бомарше... Он видел, как тысячи его Фигаро, вооруженных ружьями, пиками и кольями, ворвались в старинную тюрьму. Видел он и послесловие к народной победе.

Бастилия была взята. И вскоре попросту срыта. На месте старинной тюрьмы появилась знаменитая надпись революции: «Здесь танцуют».

Эти народные танцы!

Когда Бастилия пала, танец начался тотчас.

Победивший народ разграбил, выбросил из замка на площадь бесценный королевский архив – тысячелетние манускрипты. В них – история королей, история Франции. Эти сокровища разбросали по площади. И народ радостно танцевал на драгоценных манускриптах. Немногие спасенные бумаги навсегда сохранили следы народных башмаков...

*Депутаты третьего сословия перед запертыми дверями.
Люсьен Мелинь. 1874 г.*

Эти веселые танцы – первый эпиграф к нашему будущему повествованию. Был и другой – голова коменданта маркиза Делоне...

Коменданта Бастилии вели в Ратушу, когда озверевшая толпа отбила старика и тут же растерзала. Целый день качалась на пике голова старого коменданта Бастилии – ее победно носили по Парижу.

Несколько сдавшихся солдат и офицеров были вздернуты на виселицу во дворе Бастилии.

Ну, а король? К Людовику в Версаль прискакал гонец. В тот день у короля была неудачная охота. Охота – это, наверное, единственная страсть «заторможенного». Людовик очень огорчился неудачей и отметил в дневнике результаты охоты: «Ничего».

«Ничего» – единственная запись в дневнике короля в день взятия Бастилии!

История опять улыбнулась.

После охоты Король встретился с посланцем из Парижа. Выслушав о парижских событиях, монарх вежливо спросил: – Вы думаете, это мятеж?

Великий Давид, «художник революции» (так его называли), задумал впоследствии главный революционный культурный проект – полотно «Клятва в зале для игры в мяч».

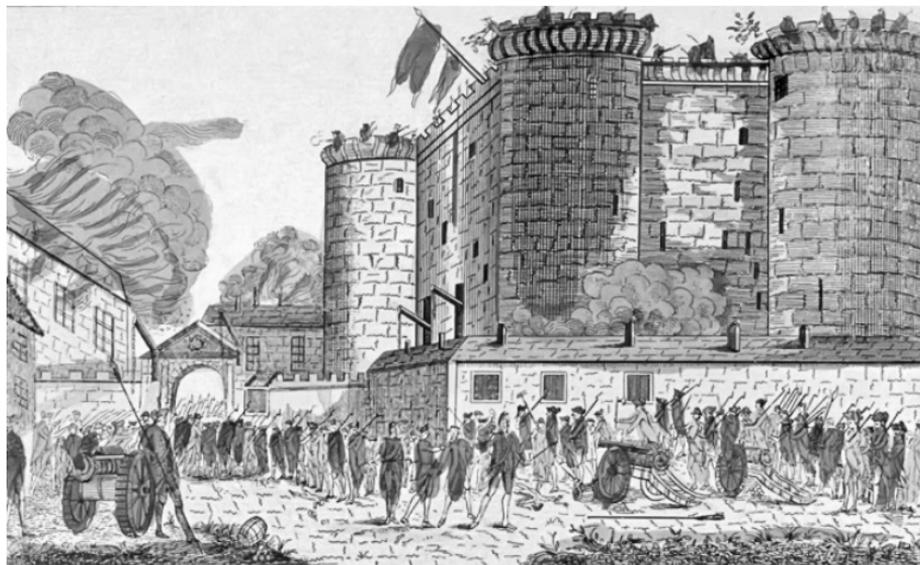

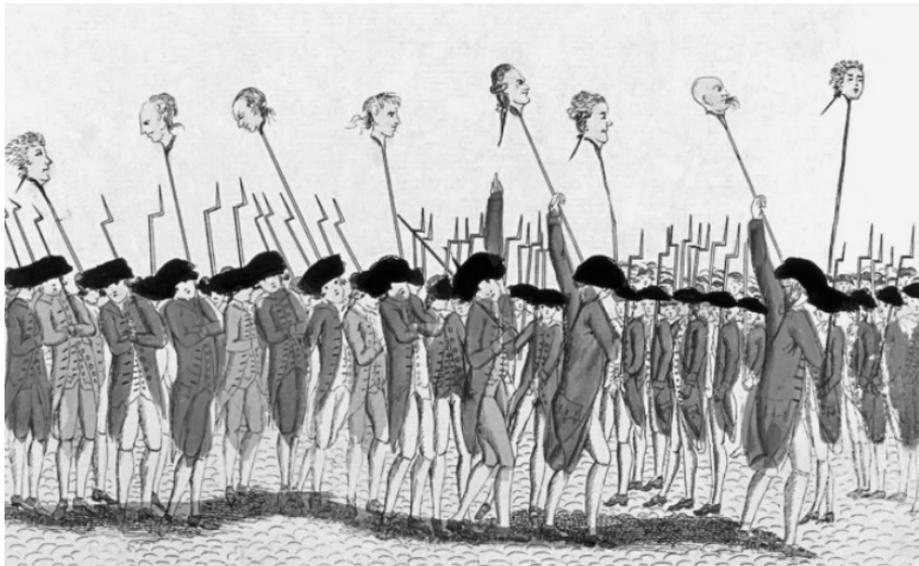
*Бастилия в первый день разрушения. Робер Юбер. 1789 г.
Музей Карнавале*

На огромной, семидесятиметровой картине, должны были быть портреты собравшихся в том зале депутатов. Сотни лиц!

Четыре года работал Давид над этим полотном, когда понял – надо прекращать работу. Ибо выставить полотно было невозможно. В это время глава Национального собрания депутат Бальи, который в центре картины, на возвышении, призывал депутатов к сопротивлению уже окончил свою жизнь на гильотине и многие депутаты, тянущие к нему руки в революционном исступлении, уже были гильотини-

рованы той самой революцией, ради которой они собрались
в этом историческом зале.

Штурм Бастилии. Шарль Тевенен. 1793 г. Музей Карна-
вале

Таков еще один эпиграф к нашему повествованию.

Часть II

А дальше события понеслись!

Теперь на вершины Власти будут подниматься все новые и новые гиганты, чтобы при падении оказаться карликами...

В это время у Антуанетты просыпается невероятная энергия, как и у нашей императрицы перед крахом империи.

Она вмешивается буквально во все государственные дела. Она, у которой был главный лозунг: «Развлекайтесь!» – сумела овладеть тайнописью. Ночами она корпит над бесконечными письмами за границу. При помощи тайнописи идут ее непрерывные сношения с братом и другими европейскими монархами. Она призывает, молит их вмешаться.

«С каждым декретом Национального Собрания, – пишет она, – нас отодвигают все дальше и дальше от власти».

DECLARATION
DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN

Adoptée par l'Assemblée Nationale dans les séances des 20, 21
23, 24 et 26 août 1789. Approuvée par le Roi

PRÉAMBULE

LES représentants du peuple François constitués en Assemblée Nationale, considérant que l'ignorance, l'oubli ou le mépris des droits de l'homme ont été les seules causes des malheurs publics et de la corruption des gouvernements ont résolu de poser dans une déclaration solennelle, les droits naturels, inaliénables et sacrés de l'homme; ainsi que cette même Assemblée, considérant que le but de toute Association politique est de garantir à tous les membres du corps social, leur liberté sans cesse leurs droits et leurs devoirs, elle que les Actes du pouvoir législatif et ceux du pouvoir exécutif, pouvant être à chaque instant comparés avec le but de toute Association politique, en soient plus respectés, elle que les réclamations des citoyens, fondées désormais sur des principes simples et incontestables, tournent toujours au maintien de la constitution et du bonheur de tous.

EN conséquence, l'Assemblée Nationale reconnaît et déclare, en présence et sous les auspices de l'Être suprême les droits suivants de l'homme et du citoyen.

ARTICLE PREMIER

LES hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits; les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune.

II.

Le but de toute Association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme; ces droits sont la liberté, la propriété, la sûreté, et la résistance à l'oppression.

III.

Le principe de toute Souveraineté réside essentiellement dans la Nation, tel Corps, tel Individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane, expressément.

IV.

La Liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui. Ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme, n'a de bornes que celles que assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits; ces bornes ne peuvent être déterminées que par la Loi.

V.

La Loi n'a le droit de défendre que les actions nuisibles à la société. Tout ce qui n'est pas défendu par la Loi ne peut être empêché, et nul ne peut être contraint à faire ce qu'elle n'a pas ordonné.

VI.

La Loi est l'expression de la volonté générale; tous les citoyens ont droit de concourir personnellement, ou par leurs représentants, à sa formation; elle doit être la même pour tous, soit qu'elle protège, soit qu'elle punisse. Tous les citoyens étant égaux à ses yeux, sont également admissibles à toutes dignités, places et emplois publics, selon leur capacité, et sans autre distinction que celles de leurs vertus et de leurs talents.

VII.

Nul homme ne peut être accusé, arrêté ni détenu que dans les cas déterminés par la Loi, et selon les formes qu'elle a prescrites; ceux qui sollicitent, exécutent ou font exécuter des ordres arbitraires, doivent être punis; mais tout citoyen appelé ou saisi en vertu de la Loi, doit obéir à l'instant, il ne peut être puni par la résistance.

VIII.

La Loi ne doit établir que des peines strictement et évidemment nécessaires, et nul ne peut être puni qu'en vertu d'une Loi établie et promulguée antérieurement au délit, et légalement appliquée.

IX.

TOUT homme étant présumé innocent jusqu'à ce qu'il ait été déclaré coupable, s'il est jugé indispensable de l'arrêter, toute rigueur qui ne serait pas nécessaire pour s'assurer de sa personne doit être strictement réprimée par la Loi.

X.

Nul ne doit être inquiété pour ses opinions, mêmes religieuses pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public établi par la Loi.

XI.

La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de l'homme; tout citoyen peut donc parler, écrire, imprimer librement, sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans les cas déterminés par la Loi.

XII.

La Garantie des droits de l'homme et du citoyen nécessite une force publique; cette force est donc instituée pour l'usage de tous, et non pour l'utilité particulière de ceux à qui elle est confiée.

XIII.

Pour l'entretien de la force publique, et pour les dépenses de l'Administration, une contribution commune est indispensable; elle doit être également répartie entre les citoyens en raison de leurs facultés.

XIV.

LES citoyens ont le droit de constater par eux mêmes ou par leurs représentants, la nécessité de la contribution publique, de la consentir librement, d'en suivre l'emploi, et d'en déterminer la quotité, l'assiette, le recouvrement et la durée.

XV.

La société a le droit de demander compte à tout agent public de son administration.

XVI.

TOUTE société, dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution.

XVII.

LES propriétés étant un droit inviolable et sacré, nul ne peut en être privé; et ce n'est que lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige évidemment, et sous la condition d'une juste et préalable indemnité.

Декларация прав человека и гражданина. 1789 г. Музей Карнавале

И действительно, в Париже – лавина революционных декретов. Отменены сословия. Упразднены титулы. Маркизы, графы, герцоги – в прошлом. Новая история – все равны. Впрочем, два титула сохранились – у графа Мирабо, сказавшего: «Европа, Франция, весь мир знают меня как *графа* Мирабо», и, конечно, у герцога Орлеанского.

Герцог сохранил свой титул, но с революционной приставкой – герцог Эгалите. Да здравствует герцог Равенство!..

Свобода вероисповеданий. Свобода прессы. И, наконец, величайший декрет – Декларация прав человека и гражданина. Мечта просветителей стала явью. Декларация объявила: «Все люди рождаются свободными и равноправными. Живут свободными, равноправными и имеют право сопротивляться угнетению».

На Марсовом поле воздвигнут алтарь Свободы.

В эти дни в Версаль пришел фландрский полк. У Антуанетты появилась радостная возможность вспомнить о прошлом, услышать вновь забытые слова: «Да здравствует королева!»

Она устраивает прием для пришедших гвардейцев. Вино лилось рекой, в бесконечных тостах славили короля и коро-

леву. Правда, кто-то все-таки провозгласил тост «за Nation». Но пирующие дружно не поддержали.

Уже на следующий день все происходившее в Версале становится известно в Париже. В *голодном* Париже. Ибо Революция – загадочная дама, когда она появляется – тотчас исчезает еда.

Как и в Петербурге 1917 года, в Париже пропал хлеб. С негодованием говорят в столице о версальском пиршестве. Рассказывают о криках «Да здравствует королева!», о том, как посмели отказаться поднять бокал за свободную Nation.

В Пале-Рояле – сборища возмущенных и... раздают пики! И вскоре, как напишет Камиль Демулен, «восемь тысяч разгневанных Юдифей пошли в поход на Версаль». Среди этих восьми тысяч было много «веселых дам» из Пале-Рояля и яростных торговки с парижского рынка.

Quartier-Garde des Femmes Allant à Versailles

Поход «Юдифей» на Версаль. Гравюра. XVIII век.

День стоял ненастный. Шел холодный дождь. И, защищаясь от дождя, женщины накрылись своими длинными юбками.

Но под некоторыми юбками, как напишет современник, оказались волосатые ноги. В этой толпе шло много переодетых мужчин.

Марш разгневанных Юдифей описал знаменитый Камиль Демулен.

Маленькое отступление о Демулене.

Ромен Роллан говорил, что Камиль был очень похож на

нашего Бухарина. И правда, как Николай Бухарин, Демулен был блестяще образованный человек с нежнейшей душой, писавший... беспощадные статьи! Он призывал граждан стать Брутами и, если понадобится революции, Неронами.

Этот непреклонный революционер был безнадежно и нежно влюблен в девушку по имени Люсиль Дюплесси.

Недалеко от театра Одеон и сейчас стоит дом богача Дюплесси, куда столько раз приходил влюбленный Камиль.

Это был роман в стиле «Новой Элоизы» Руссо.

Несчастные влюбленные почему-то не подозревают о любви друг друга и глубоко страдают.

«О, ты, живущий в глубине моего сердца, ты, кого я не осмеливаюсь любить, вернее, не осмеливаюсь признаться, что люблю, о, мой Камиль», – пишет Люсиль в Дневнике. И ходит целовать дерево, на котором вырезала его имя.

А как страдал сам Камиль!

И наконец-то! Наконец они узнают, что любовь взаимна! Но тут, конечно же, новая беда – непреклонный отец. И они опять страдают-страдают-страдают...

Но стремительная карьера революционера Демулена заставила отца стать сговорчивым. Отец счастливо побежден.

Они могут сочетаться браком! О счастье, о радость! О, победа великой и вечной Любви!..

Впрочем, революционные аскеты подозрительно отнеслись к пылкой любви Камиля.

«Кровать, в которой упивается любовью супружеская пара, так же опасна для Родины, как все аристократы, которых мы арестовали или повесили. Чтобы быть крепким телом и духом, каждый гражданин должен на время отказаться от сластолюбивых желаний супруги или любовницы и даже спать в отдельной постели», – писал революционный журналист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.